

КЛАСИКА

ДЕТЕКТИВА

Рекс
Стаут

ГАМБИТ
♦
БАНАЛЬНОЕ
УБИЙСТВО

ГАМБИТ
ПОГОНЯ ЗА МАТЕРЬЮ
БАНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО,
ИЛИ ТРИО ДЛЯ ТУПЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 78

Rex Stout
GAMBIT
Copyright © 1962 by Rex Stout
THE MOTHER HUNT
Copyright © 1963 by Rex Stout
TRIO FOR BLUNT INSTRUMENTS
Copyright © 1961, 1963, 1964 by Rex Stout
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency
All rights reserved

Перевод с английского
Ольги Александровой, Александра Санина,
Татьяны Чернышевой, Елены Копосовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-19691-9

© О. Э. Александрова, перевод, 2022
© А. В. Санин, перевод, 1994, 2007
© Т. Н. Чернышева, перевод, 2022
© Е. А. Копосова, перевод, 2022
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Иностранка®

ГАМБИТ

ГЛАВА 1

В февральский понедельник, пришедшийся на день рождения Линкольна, в 11:27 я прошел из кабинета в смежную с ним гостиную и сказал:

— Мисс Блаунт здесь.

Вулф, не глядя на меня, с недовольным ворчанием вырвал из книги еще несколько страниц, швырнул в огонь и спросил:

— А кто такая эта мисс Блаунт?

Я поджал губы, но соизволил ответить:

— Она дочь Мэтью Блаунта, президента текстильной корпорации «Блаунт», которого посадили за решетку по обвинению в убийстве, и, как вам, должно быть, известно, ей назначена встреча на одиннадцать тридцать. И не нужно валять дурака, делая вид, будто вы забыли. Вы прекрасно знали, что не успеете закончить аутодафе за полчаса. И как насчет ваших собственных комментариев в адрес тех, кто сжигает книги?

— Это исключение из правил. — Вулф выдрал еще несколько страниц. — Я простой человек, а не правительство и не цензурный комитет. Я заплатил сорок семь долларов пятьдесят центов за эту книгу и после тщательного изучения нашел ее в высшей степени пагубной и даже подрывающей устои, а потому уничтожаю ее. — Вулф швырнул страницы в огонь. — Я сейчас не настроен выслушивать женщину. Пусть придет после ланча.

— А еще я слышал, что вы говорили о людях, отменяющих встречи, которые сами же и назначили.

Пауза. Очередные несколько страниц полетели в огонь.

— Ну ладно. Приведи ее сюда.

Вернувшись в кабинет, я закрыл за собой дверь, подошел к красному кожаному креслу возле письменного стола Вулфа, в которое усадил посетительницу, и повернулся к ней лицом. Она откинула голову и посмотрела прямо на меня. Она была этакой шоколадкой, брауни¹ — я не имею в виду девочку-скаута, — с маленьким носиком, маленькими ушками, большими карими глазами, копной каштановых волос и пухлым ртом, который смотрелся бы куда лучше, если бы его углы были чуть подняты, а не печально опущены.

— Пожалуй, мне стоит все вам объяснить. У мистера Вулфа сейчас происходит внутренняя борьба. Тяжелая внутренняя борьба. В гостиной есть камин, который мы никогда не зажигаем, поскольку Вулф считает, что пламя тормозит мыслительный процесс. Но сейчас камин растоплен, потому что Вулфу нужен огонь. И в данный момент Вулф сидит в кресле, слишком тесном для него, вырывает страницы из книги и сжигает их в камине. Книга — это полное третье издание Нового международного словаря Уэбстера, выпущенного компанией «Дж. и Ч. Мерриам» в Спрингфилде, штат Массачусетс. Вулф считает этот словарь подрывающим устои, поскольку он угрожает целостности английского языка. В течение прошлой недели Вулф привел мне тысячу примеров преступности этого словаря. Утверждает, будто это неприкрытый акт убийства... Прошу меня извинить. Я так детально описываю ситуацию, поскольку Вулф велел мне привести вас в гостиную, что однозначно нехорошо. Ведь даже если он и услышит, что вы ему рассказываете, его мыслительный процесс будет заторможен. Не могли бы вы прийти чуть позже? После ланча Вулф будет намного человечнее.

Мисс Блаунт уставилась на меня во все глаза:

— Он что, сжигает словарь?

¹ Слово «брауни» (*англ.* brownie) означает и девочку-скаута, и шоколадное пирожное. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Так точно. Но это еще пустяки. Однажды он сжег кулинарную книгу, так как там было сказано, что нужно снимать шкуру со свиного окорока, прежде чем тушить его с лимской фасолью. А вот что он любит больше: еду или слова — это еще вопрос.

— Но я не хочу приходить еще раз. — Мисс Блаунт решительно встала с места. — Я хочу видеть его прямо сейчас. Я должна видеть его прямо сейчас.

Проблема заключалась в следующем: если бы я уговорил мисс Блаунт отложить встречу, она могла больше не прийти. Когда она позвонила с просьбой ее принять, то имелась большая вероятность заполучить Мэтью Блаунта в клиенты, а это, судя по газетным статьям и ходившим по городу разговорам, даст хорошему детективу широкий фронт работы, за которую Мэтью Блаунт сможет заплатить даже по расценкам Ниро Вулфа. Поэтому я не хотел отпугнуть перспективную клиентку, и, кроме того, меня потрясло ее лицо: не только опущенные уголки рта, но и выражение глаз. У нее был тревожный взгляд, как и у всех, кто приходил к нам, и она явно находилась на грани отчаяния. И если я сейчас выставлю ее, она может отправиться напрямиком в какое-нибудь убогое агентство, где, естественно, нет гениев вроде Вулфа и ищеек вроде меня.

— Ну ладно. Мое дело предупредить. — Я взял с письменного стола свой блокнот и открыл дверь в гостиную.

Мисс Блаунт вошла в открытую дверь, бросив мантию из серебристой норки на спинку кресла.

Я поставил для нас рядом два стула, но, поскольку Вулф сидел возле камина, мне не удалось посадить мисс Блаунт лицом к Вулфу. Он редко встает, чтобы приветствовать посетителя, а тем более когда у него на коленях лежит увесистый словарь, впрочем уже уменьшившийся на одну треть. Швырнув очередную порцию страниц в камин, Вулф повернулся к посетительнице:

— Мисс Блаунт, вы используете слова «подразумевать» и «намекать» в качестве взаимозаменяемых?

Она отреагировала безупречно, просто сказав:

— Нет.

— А в этой книге говорится, что это вполне возможно. Пф! Я бы предпочел не прерывать это аутодафе. Итак, вы хотели со мной проконсультироваться?

— Да. О моем отце. Он в... арестован за убийство. Две недели назад умер один человек, был отравлен...

— Прошу меня извинить, но я читаю газеты. Почему вы обратились ко мне?

— Я знаю, что папа никого не убивал. И хочу это доказать.

— Естественно. Это ваш отец прислал вас?

— Нет.

— Тогда, значит, его адвокат мистер Калмус?

— Нет. Никто меня не присылал. Никто не знает, что я здесь. В этой сумке у меня двадцать две тысячи долларов. — Она похлопала по лежавшей у нее на коленях коричневой кожаной сумке с ручками. — Изначально у меня не было всей суммы, но я продала кое-какие вещи. Если понадобится, я смогу достать еще. Папа с мамой не должны знать, что я к вам обратилась. Как и мистер Калмус.

— Тогда это невозможно. — Вырвав еще несколько страниц, Вулф бросил их в камин. — А почему они не должны ничего знать?

— Потому что они не позволили бы... Они остановили бы меня. И даже папа. — Она стиснула сумку. — Мистер Вулф, я пришла к вам, так как должна была это сделать. Мне нужно сообщить вам кое-какие сведения, которые я не решилась бы сказать никому другому. Это первое доброе дело в моей жизни. Беда в том, что я не делаю ничего плохого, но и ничего хорошего. Тогда какой в этом толк? И мне двадцать два года, поэтому я и принесла с собой двадцать две тысячи долларов. — Она в очередной раз похлопала по сумке. — Дэн Калмус уже много лет является адвокатом моего отца. Вероятно, мистер Калмус хорошо разбирается в вопросах бизнеса, но для такого сложного дела он явно не годится. Я абсолютно уверена. Ведь я знаю его всю жизнь. На прошлой неделе

я предложила ему пригласить вас для расследования, а он в ответ лишь улыбнулся и заявил, что ему не нравится стиль вашей работы. По его словам, он знает, что делает, но это вовсе не так. Мне страшно. Страшно до чертиков! — Она наклонилась вперед. — Мистер Вулф, моего отца осудят по обвинению в убийстве.

Недовольно заворчав, Вулф продолжил вырывать страницы.

— Если ваш отец захочет меня нанять, я мог бы пренебречь согласием его адвоката, хотя это и создаст определенные трудности.

Мисс Блаунт энергично покачала головой:

— Отец не станет вас нанимать, если Дэн Калмус скажет «нет». А мама не станет вас нанимать, если папа скажет «нет». Итак, остаюсь только я. Ну а я могу вас нанять?

— Определенно нет. Без сотрудничества вашего отца и его адвоката я и пальцем не пошевелю. — Вулф с удвоенным рвением принялся рвать страницы.

Двадцать две штуки — сумма для нас отнюдь не рекордная, однако вполне достаточная, чтобы успешно начать новый 1962 год.

— Но ведь это глупо, — сказала мисс Блаунт. — Просто огонь тормозит ваш мыслительный процесс. Я предложила Дэну Калмусу нанять вас, а теперь и сама к вам пришла, поскольку, по-моему, вы можете делать то, на что не способен никто другой. Вас считают волшебником. Все так и говорят. Сам Дэн Калмус сказал, что вы волшебник. Однако он не хочет, чтобы вы брались за его дело. Он так и сказал: «За мое дело». Хотя это не его дело, а дело моего отца.

— Да, — согласился Вулф. — Это дело вашего отца, а не ваше. Вы должны...

— Теперь это мое дело! Первое доброе дело в моей жизни. — Нагнувшись, она вырвала из руки Вулфа раскученную книгу и вцепилась ему в запястье. — Разве волшебник может творить только самые простые чудеса? А что, если вы единственный человек на земле, способный спасти моего отца

от обвинительного приговора за убийство, которого он не совершал? Если бы я могла совершить что-то такое, чего не может сделать ни один человек на земле, то непременно это сделала бы! И вам вовсе не нужен мой отец или его адвокат, ведь я могу не хуже их все рассказать. Я даже поведаю вам то, чего они ни за что не скажут. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать. Дэн Калмус никогда в этом не признается, а мой отец просто не в курсе, да и вообще он сейчас в тюрьме. Но я-то нет!

Мисс Блаунт выпустила руку Вулфа, и тот сразу бросил в огонь вырванные страницы. Он сердито хмурился, но не на словарь. Она взяла верную ноту, когда назвала его волшебником, подразумевая, а отнюдь не намекая, что Вулф — единственный в своем роде, и при этом заранее упомянула о содержимом своей сумки.

Вулф обратил на посетительницу хмурый взгляд:

— Вы утверждаете, что уверены в его невиновности. Это просто точка зрения, естественная для дочери, или у вас есть доказательства?

— У меня нет никаких доказательств. Все улики свидетельствуют против него. Но это не просто точка зрения. Я совершенно точно знаю. Я достаточно хорошо знаю своего отца, чтобы...

— Нет! — отрезал Вулф. — То, что очевидно для вас, не очевидно для меня. Вы хотите нанять меня и заплатить мне, действуя от лица человека, который находится в неведении, человека, которого, несмотря на свое состояние и положение в обществе, обвинили в убийстве и посадили за решетку. Доказательства должны быть очень убедительными. Ваш отец не может стать моим клиентом, а вот вы могли бы.

— Отлично, тогда я стану вашей клиенткой. — Мисс Блаунт открыла сумку.

— Я сказал «могли бы». Это, конечно, абсурдно, но весьма заманчиво. Я должен знать... Впрочем, для начала давайте посмотрим, что нам с мистером Гудвином уже известно. — Вулф повернулся ко мне. — Арчи, что нам известно?

— От и до? Или основные моменты?

— Все, что есть. А потом поглядим, сможет ли мисс Блаунт что-нибудь добавить?

— Хорошо. — Я сосредоточился на перспективной клиентке. — Все, что известно из газет и кое-каких услышанных разговоров. Если я в чем-то ошибаюсь, сразу останавливайте меня, не дожидаясь, чтобы я закончил. Итак, «Гамбит» — это шахматный клуб, занимающий два этажа в старом кирпичном здании на Западной Двенадцатой улице. В клубе шестьдесят членов: бизнесменов и профессионалов, а еще парочка банкиров. Как принято в шахматных клубах, они там очень разборчивы. Во вторник вечером, тридцатого января, почти две недели назад, в клубе проходило мероприятие. Некто по имени Пол Джерин, двадцати шести лет от роду, не член клуба, проводил сеанс одновременной игры вслепую с двенадцатью членами клуба. А теперь насчет Пола Джерина. Я буду излагать информацию, не отфильтровывая сведения из газет от слухов. Он весьма эксцентричная личность. Имеет три источника дохода: от написания стихов и шуток для поздравительных открыток, от показа магических номеров на вечеринках и от игры в кости. Он также был равнодушен к шахматам, но играл в основном ради развлечения, не участвуя в турнирах. Вы его знали. Вы с ним познакомились. И как давно это было?

— Около года назад. Мы познакомились на вечеринке, где он показывал фокусы.

— И он обхаживал вас, или вы обхаживали его. Я слышал оба варианта. Вы, естественно, понимаете, что подобные вещи порождают самые разные толки. Узнав, что он играет в шахматы, вы организовали ему шахматную партию у вас дома с вашим отцом. А потом он стал приходить снова и снова. Ну и как часто? Я слышал разные версии.

— С папой он играл в шахматы лишь три раза. Три вечера. Пол сказал, что ему было неинтересно, как-то уж слишком просто. В последний раз он, пожертвовав ладьей, обыграл папу. Но это было много месяцев назад.

— Но он не только играл в шахматы, но и неоднократно встречался с вами. Согласно существующей версии вы собирались за Джерина замуж, но ваш отец...

— Неправда. У меня и в мыслях не было выходить за него замуж. И мы не так уж и часто виделись. В полиции меня об этом уже спрашивали. И я точно знаю. За последние три месяца мы виделись с ним ровно пять раз. На вечеринках, где мы в основном танцевали. Он был хорошим танцором. Но ни одна девушка в здравом уме никогда бы не вышла за него замуж.

— Ну ладно, довольно о слухах. Но вы уговорили вашего отца устроить тот турнир в клубе «Гамбит».

Нам пришлось несколько повысить голос, поскольку Вулф продолжал с шумом выдирать страницы.

— Об этом меня тоже спрашивали. А дело было вот как. Идею подал мне Пол. Сказал, что было бы забавно утереть им всем нос. И я рассказала об этом папе. Но ни на чем не настаивала. Папа ответил, что если Пол будет играть вслепую, то два-три члена клуба, пожалуй, смогут его обставить. И организовал турнир.

— Хорошо. Ваш отец организовал турнир. Конечно, это очень важно. А ваш отец знал, что Пол всегда пил горячий шоколад во время игры в шахматы?

— Да. Пол постоянно пил горячий шоколад.

— Тогда рассмотрим поподробнее турнир тридцатого января. Это был мужской междусобойчик. Присутствовали только мужчины.

— Да.

— Об этом писали в газетах. Я обычно читаю репортажи об убийствах, но особо внимательно лишь тогда, когда мы участвуем в расследовании, а значит, могу в чем-то и ошибиться. В таком случае прошу меня остановить. Присутствовали лишь члены клуба, примерно сорок человек, а также Пол Джерин, официант по имени Бернارد Нэш и повар Тони Лаги. В большой комнате на первом этаже вдоль стен установили двенадцать столов, по шесть в каждом ряду. За каждым столом сидел член клуба, спиной к стене. Участники турнира. Таким

образом, в центре комнаты оставалось достаточно места для остальных членов клуба, чтобы свободно перемещаться и следить за игрой. Так?

— Да.

— Но четверо членов клуба не просто следили за игрой, а передавали информацию в качестве посредников. Пол Джерин находился в комнате поменьше в задней части здания, в которой, если верить «Таймс», находится лучшая в стране библиотека шахматной литературы. Он сидел на диване и, когда игра началась, остался в комнате один. Столы были пронумерованы, один посредник обслуживал три стола. Сразу после начала игры посредник отправлялся к Джерину и сообщал ему номер стола...

— Нет. Не сразу после начала игры. Человек, который играет вслепую, ходит белыми на всех досках, а значит, делает первый ход.

— Должно быть, так было нужно. В любом случае, как только игрок за одним из столов делал ход, посредник, обслуживающий этот стол, отправлялся к Джерину и объявлял ему номер стола и сделанный ход. Джерин называл свой ход, после чего посредник передавал информацию игроку за столом. Верно?

— Да.

— Ну ладно, но только я этому не верю. В свое время я баловался шахматами достаточно для того, чтобы понять основные принципы. И я не верю, что кто-то способен держать в голове одновременно двенадцать партий, не глядя на доску. Я слышал, что некоторым удавалось играть даже на двадцати досках, но я этому не верю.

— Сто шестьдесят девять миллионов пятьсот восемнадцать тысяч восемьсот двадцать девять и двадцать одна десятая. Число возможных вариантов первых десяти ходов, черными и белыми. Человек, способный разыгрывать вслепую одновременно двенадцать партий, должен быть настоящим уникалом. Практически чудом природы, — пробурчал Вулф.

— Неужели это так существенно? — спросил я.

— Нет.

Я снова повернулся к Салли Блаунт. По телефону она сказала мне, что ее имя Сара, но она предпочитает, чтобы ее называли Салли.

— Итак, игра должна была начаться в половине девятого вечера, но началась без двадцати девять, на десять минут позже. С этой минуты Джерин оставался в библиотеке один, не считая того времени, когда туда входил посредник. Полагаю, я могу их назвать. Чарльз У. Йеркс, банкир. Дэниел Калмус, адвокат. Эрнст Хаусман, отошедший от дел состоятельный маклер, один из основателей клуба. Мортон Фэрроу, племянник вашей матери миссис Мэтью Блаунт. — Я закрыл глаза и, сделав паузу, сказал: — Тут я, пожалуй, сдаюсь. В какой-то из газет точно говорилось, чем зарабатывает себе на жизнь ваш кузен Мортон, но мне никак не вспомнить.

— Он в бизнесе моего папы. — Она удивленно подняла брови, отчего глаза стали еще больше. — У вас, должно быть, превосходная память, даже когда вы не слишком внимательны.

— У меня такая отличная память, что я наверняка тоже уникам, но мы храним газеты за последние две недели, и должен признаться, после вашего звонка я их все просмотрел. Впрочем, начиная с этого места, вы можете рассказать мне то, чего не было в газетах. Полиция и окружной прокурор всегда оставляют при себе кое-какие детали. Мне известно из газет, что ваш отец играл за столом номер шесть. Что официант и повар — Бернард Нэш и Тони Лаги — находились на кухне в цокольном этаже здания, на этаж ниже. Что вскоре после начала игры Полу Джерину принесли в библиотеку кофейник с горячим шоколадом. Пол выпил немного, уж не знаю сколько, а через полчаса сказал одному из посредников, Йерксу, что неважно себя чувствует. Примерно в половине десятого он заявил другому посреднику, Калмусу, что не может продолжать игру. После чего Калмус привел врача, одного из игроков — я не в курсе, за каким столом он сидел, — по имени Виктор Эйвери. Доктор Эйвери задал Джерину пару вопросов и отправил кого-то в аптеку на Шестой авеню. К тому времени как

принесли лекарство, Джерину совсем поплохело, и врач дал ему лекарство. Еще через полчаса Джерину стало еще хуже, и пришлось вызвать «скорую». Без четверти одиннадцать его доставили в сопровождении доктора Эйвери в больницу Святого Винсента, и в три часа двадцать минут Джерин скончался. Уже позже судмедэксперт обнаружил в его организме мышьяк. В «Таймс» не указывалось, сколько именно, но в «Газетт» писали, что семь гран. Замечания имеются?

— Нет. Я ничего не знаю.

— В газетах не писали, содержался ли мышьяк в шоколаде. Это так?

— Я не знаю.

— Там также не упомянули имя человека, принесшего шоколад из кухни в библиотеку. Вам известно, кто это был?

— Да. Мой отец.

Я вытаращился на мисс Блаунт. Рука Вулфа с вырванными страницами застыла в воздухе.

— Но ваш отец сидел за столом номер шесть. Участвовал в турнире. Разве нет?

— Да. Но когда папа сделал второй ход, его посредник, мистер Хаусман, куда-то запропастился, и папа встал из-за стола проверить, принесли ли Полу шоколад. Стол номер шесть находился в конце комнаты, рядом с библиотекой. Шоколад так и не принесли, и тогда папа спустился за ним на кухню.

— И он что, собственноручно отнес шоколад Джерину?

— Да.

Вулф покосился на мисс Блаунт. Я перевел дух и спросил:

— Я вам, конечно, верю, но откуда вы знаете?

— Папа мне сам рассказал. На следующий день. Его арестовали лишь в субботу, — впрочем, это вам, само собой, известно. Именно потому я и знаю, что он этого не делал. Он рассказал нам обо всем так, словно ни секунды не сомневался, что мы поверим в его невиновность. — Она бросила взгляд в сторону Вулфа. — Вы, естественно, скажете, что для вас это звучит не слишком убедительно, но лично для меня достаточно убедительно. Я точно знаю.

— Хорошо, — сказал я. — Он отнес шоколад. И поставил на стол возле дивана, на котором сидел Джерин. Так?

— Да. Поднос с кофейником, чашкой, блюдцем и салфеткой.

— Вы говорите, ваш отец все подробно вам рассказал. А Джерин что-нибудь ел или пил, кроме шоколада?

— Нет. Там вообще больше ничего не было.

— За те полчаса, прошедшие с того момента, как ваш отец отнес Джерину шоколад, и до той минуты, как Джерин сказал Йерксу, что ему нехорошо, кто-нибудь входил в библиотеку, кроме посредников?

— Нет. По крайней мере, по мнению папы, хотя он и не был абсолютно уверен. — Мисс Блаунт улыбнулась Вулфу. — Я могу у него узнать. Вы говорили, что и пальцем не шевельнете, если он не будет сотрудничать, но я могу с ним увидеться и узнать все, что вас интересует. Естественно, не ставя его в известность, для кого эта информация.

Оставив последнее без комментариев, Вулф продолжил вырывать страницы.

Я пристально посмотрел на посетительницу:

— Вы утверждаете, что не знаете, был ли в шоколаде мышьяк. Скажите, а ваш отец упоминал, оставался ли в кофейнике шоколад и сохранили ли его до приезда полиции?

— Да, сохранили. Однако кофейник был полным.

— Полным? А разве Джерин не пил из него?

— Да. И довольно много. Когда мистер Йеркс сообщил папе, что Пол жалуется на плохое самочувствие, папа отправился в библиотеку. В кофейнике практически ничего не оставалось, а чашка была наполовину пустой. Папа отнес кофейник с чашкой на кухню и там сполоснул. По словам повара и официанта, они ничего не добавляли в напиток — только молоко, порошок шоколад и сахар. Они налили в кофейник свежеприготовленный шоколад, и папа вместе с чистой чашкой отнес все в библиотеку. Очевидно, Пол больше ничего не пил, потому что кофейник остался полным.

Онемев от удивления, я уставился на мисс Блаунт. А Вулф не просто смотрел, а буквально ел посетительницу глазами:

— Мисс Блаунт, или ваш отец форменный болван, или он действительно невиновен!

— Я знаю, — кивнула она. — Я ведь уже обещала рассказать вам то, чего никому другому не стала бы говорить. Например, что Дэн Калмус влюблен в мою мать, а теперь вот и это. Я не в курсе, сообщил ли папа о данном факте полиции. Вероятно, повар и официант сообщили, хотя, возможно, и нет. Но я должна была вам рассказать. Должна была рассказать все, что мне известно, чтобы вы могли принять решение. Разве нет?

— Да. И я одобряю ваше поведение. Люди редко рассказывают все, что знают. А повар и официант наверняка выложили полиции абсолютно все как на духу. А иначе вашего отца обвинили бы в убийстве. — Вулф закрыл глаза и попытался откинуться на спинку кресла. Напрасный труд. У Вулфа это получалось на автомате лишь в сделанном на заказ персональном кресле, когда нужно было закрыть глаза и хорошенько подумать. Похоже, не судьба. Вулф даже крикнул от досады, но быстро выпрямился и поинтересовался у мисс Блаунт: — У вас в этой сумке деньги, да?

Посетительница открыла сумку и достала толстую пачку банкнот, перетянутую резинкой:

— Двадцать две тысячи долларов.

Она протянула пачку Вулфу, однако тот не стал брать деньги.

— Вы говорили, что продали какие-то вещи? Какие именно? Они ваши?

— Да. У меня кое-что было на банковском счете, и я продала драгоценности.

— Ваши собственные драгоценности?

— Ну да. Конечно. Разве я могла продать чужие?

— Тогда договорились. Арчи, пересчитай деньги.

Я протянул руку, мисс Блаунт отдала мне пачку. Я снял резинку и начал пересчитывать банкноты, а Вулф продолжал

швырять в камин то, что осталось от словаря. И пока я пересчитывал пятисотдолларовые банкноты, а потом и сотенные, Вулф все швырял и швырял выдранные страницы в огонь. Я дважды пересчитал всю сумму, а когда закончил, от словаря остался лишь переплет.

— Ровно двадцать две штуки, — объявил я.

— А это сгорит? — поинтересовался Вулф.

— Безусловно. Это ведь коленкор. Возможно, повоняет немного. Покупая словарь, вы, похоже, заранее знали, что его сожжете. А иначе заказали бы его в кожаном переплете.

Не удостоив меня ответом, Вулф бросил обложку в камин, где весело трещали поленья, которые Фриц положил вместе с растопкой. Глядя, как переплет сворачивается в языках пламени, Вулф произнес:

— Арчи, отведи мисс Блаунт в кабинет и дай ей расписку. Я к вам скоро присоединюсь.

ГЛАВА 2

Двадцать две тысячи долларов — это вам не кот начихал. Даже за вычетом налогов и накладных расходов оставшаяся сумма частично компенсирует расходы на содержание принадлежащего Вулфу старого особняка из бурого песчаника на Западной Тридцать пятой улице, трех его постоянных обитателей — самого Вулфа, повара и домоправителя Фрица Бреннера и меня, — а также приходящего садовника Теодора Хорстмана, который проводил по десять часов в день, а иногда и больше, ухаживая за десятью тысячами орхидей в оранжерее под крышей. Однажды я подсчитал наши затраты в час за полгода, но не стану называть полученный результат, поскольку этот текст может прочесть глава местного отделения Службы внутренних доходов, который немедленно прикажет одной из своих ищек сравнить мои данные с цифрами в налоговой декларации. Хотя именно эти двадцать две штуки налом инспектор наверняка обнаружит в графе «доходы».

Но когда в четверть второго я закрыл за Салли Блаунт дверь и убрал пачку банкнот в сейф, энтузиазма у меня несколько поубавилось. У нас была толстая пачка денег и ни единой зацепки, чтобы распутать дело. Вулф ясно дал понять, что его единственное обязательство — попытаться что-либо предпринять. Мы явно облажались, даже не начав дело, что можно считать ощутимым ударом по самолюбию волшебника, не говоря уже о его верном псе.

Я заполнил с десяток страниц своего блокнота следующими пунктами.

1. Насколько известно Салли, никто из четверых посредников — единственных, кто, помимо ее отца, повара и официанта, имел доступ к кофейнику с шоколадом, — ранее не был знаком с Полом Джерином и не имел с ним никаких контактов. В противном случае Салли наверняка была бы в курсе, поскольку все четверо посредников так или иначе входили в круг общения Блаунтов и она с ними довольно часто встречалась. Что касается Бернарда Нэша, официанта, и Тони Лаги, повара, то Салли видела их впервые в жизни.

2. Теперь о посредниках. Чарльз У. Йеркс, банкир, периодически сталкивался с Блаунтами на светских мероприятиях. Блаунт входил в совет директоров банка, который возглавлял Йеркс. Йерксу нравилось находиться в обществе миссис Блаунт, матери Салли, впрочем, как и большинству мужчин. В своих записях я заключил в скобки догадку, что Салли не отказалась бы, чтобы мужчины, оторвав взгляд от ее матери, время от времени посматривали бы и на дочь тоже. Что было несколько странно, так как Салли и сама была далеко не дурна собой, хотя я, конечно, еще не видел матери.

3. Мортон Фэрроу, тридцати одного года от роду, не был финансовым гением, хотя и не догадывался об этом. Он получал приличную зарплату в текстильной корпорации «Блаунт» исключительно потому, что приходился миссис Блаунт племянником, но считал, что ему недоплачивают. Я не цитирую Салли, но понял это из ее слов.

4. Эрнст Хаусман, отошедший от дел маклер и старинный друг Мэтью Блаунта, был крестным отцом Салли. Несчастный человек, обреченный умереть несчастным. Он отдал бы десять миллионов долларов, чтобы сыграть с настоящим гроссмейстером без форы и поставить ему мат. Ну что ж, мечтать не вредно. С Блаунтом Хаусман не играл в шахматы уже много лет, не без оснований подозревая, что тот ему поддается. Хаусман был категорически против приглашения Пола Джерина в клуб для проведения сеанса одновременной игры, поскольку считал, что в клуб следует пускать исключительно его членов. Короче, типичный случай страдальца-сноба.

5. Дэниел Калмус, адвокат, много лет работал консультантом в корпорации Блаунта. Салли однозначно испытывала к нему сильные чувства, но я не совсем понял, какие именно; впрочем, я и сейчас нахожусь в некоторой растерянности, а потому предпочитаю замять для ясности. Мисс Блаунт сказала, что Йерксу было лет сорок с хвостиком, Хаусману, ее крестному отцу, — хорошо за семьдесят, но совершенно точно назвала возраст Калмуса: пятьдесят один год. Если двадцатидвухлетняя девушка способна назвать возраст мужчины практически вдвое старше ее, который не является ей родственником и с которым она не состоит в близких отношениях, на это наверняка есть веская причина. Имелись и другие свидетельства неравнодушного отношения Салли к адвокату, а именно ее тон и манера говорить. Я могу объяснить предвзятое отношение Салли к Калмусу — она всегда говорила «Дэн Калмус», а не «мистер Калмус» или просто «Калмус» — не только неверием в его способность вытащить мистера Блаунта из тюрьмы, а отчасти опасениями, что он просто-напросто не захочет этого делать. Ведь если Блаунта отправят на электрический стул или приговорят к пожизненному заключению, миссис Блаунт станет свободна. Салли, конечно, этого не сказала, но уже в третий раз упомянула, что Дэн Калмус влюблен в ее мать. Когда Вулф спросил Салли: «А ваша мать в него влюблена?» — девушка сразу ответила: «Боже упаси, нет, конечно! Если она в кого и влюблена, то, разумеется, лишь в моего отца!»

6. Итак, с посредниками мы закончили. Что касается остальных пунктов в моем блокноте, то существенное значение имеет только один. Если и была найдена какая-либо емкость, содержащая мышьяк, в газетах об этом не писали. Хотя такие подробности полиция и окружной прокурор обычно держат при себе. Когда Вулф спросил у Салли, что ей об этом известно, я затаил дыхание. Меня бы ничуть не удивило, скажи она, что, да, полупустая бутылочка мышьяка была обнаружена у ее отца в кармане. А почему бы и нет? Однако Салли ответила, что, насколько ей известно, никакой емкости найдено не было. Доктор Эйвери, которого часто приглашали в дом Блаунтов для оказания кому-либо из домочадцев медицинской помощи, сообщил мистеру Блаунту через два-три дня после трагедии, но еще до ареста последнего, что после осмотра Джерина сразу заподозрил возможность отравления, в связи с чем внимательно осмотрелся вокруг и даже спустился на кухню, однако ничего не нашел. А четыре дня спустя, когда Салли после двух бессонных ночей отправилась к доктору Эйвери за рецептом на успокоительное, тот сообщил ей, что, по словам окружного прокурора, бутылочки с мышьяком так и не обнаружили, и теперь, когда мистер Блаунт находится за решеткой по обвинению в убийстве, полиция вряд ли проявит особое рвение в поисках мышьяка. Полицию вызвали лишь после смерти Джерина, доставленного в больницу в карете «скорой помощи», и Блаунт, который шел пешком до больницы, расположенной всего в паре кварталов от клуба «Гамбит», имел массу возможностей выбросить по дороге мелкий предмет, если таковой при нем был. Доктор Эйвери, не сомневавшийся в невиновности своего друга и пациента Мэтью Блаунта, сказал Салли, что у кого-то из присутствующих в тот день в клубе должна была быть емкость с мышьяком, от которой преступник наверняка успел избавиться, и посоветовал девушке попросить Калмуса нанять детектива, чтобы тот попытался найти мышьяк. Именно после совета доктора Эйвери Салли и пришла в голову идея обратиться к Ниро Вулфу.

И последний пункт, который я не стал записывать в блокноте. Под конец встречи Вулф заявил мисс Блаунт, что с ее стороны нелепо надеяться, будто он сможет действовать без ведома Калмуса или ее отца. Ему, Вулфу, придется встречаться с разными людьми. По крайней мере с четырьмя посредниками на турнире. А поскольку Вулф не выходит по делам из дому, всем свидетелям придется приехать в особняк на Западной Тридцать пятой улице. Причем Салли необходимо будет самой привезти или отправить их сюда. Калмус, естественно, обо всем узнает и непременно сообщит мистеру Блаунту. Услышанное Салли не слишком понравилось. У меня даже возникло впечатление, что вот-вот произойдет обратный обмен: я верну ей пачку банкнот, а она мне — расписку. Но Салли задумчиво пожевала нижнюю губу и, похоже, решила держаться до конца. Она поинтересовалась у Вулфа, кого он желает видеть в первую очередь. Вулф обещал дать ей знать. Она спросила когда. Он ответил, что нужно подумать.

Итак, в четверть второго, проводив мисс Блаунт, я без особого энтузиазма вернулся в кабинет, чтобы убрать деньги в сейф. Вулф сидел очень прямо, сжав губы в тонкую ниточку, положив руки на письменный стол и свирепо уставившись на дверь в гостиную. Возможно, это было его последнее прости подрывному словарю или его привет новой бесперспективной работе, однако спрашивать Вулфа, в чем, собственно, дело, не имело смысла. Не успел я захлопнуть дверцу сейфа, как в кабинет вошел Фриц, чтобы пригласить нас на ланч. Увидев мрачного как туча Вулфа, Фриц посмотрел на меня, но, обнаружив, что выражение моего лица ничуть не лучше, отрывисто бросил:

— Ну ладно, ты сам ему скажи, — после чего повернулся и ушел.

За столом мы, естественно, не говорили о делах, чтобы не омрачать процесс принятия хорошей пиццы — а в этом доме она всегда хорошая, — и Вулф сделал вид, что жизнь прекрасна и удивительна. Однако, когда мы, допив кофе, вернулись

в кабинет, он сел в свое кресло и, положив сжатые в кулак руки на подлокотники, спросил меня прямо в лоб:

— Это сделал он?

Я поднял брови. Если бы в убийстве подозревалась сама Салли Блаунт, я наверняка потрафил бы Вулфу, поскольку он свято верил, что после часа, проведенного в обществе привлекательной молодой женщины, я уже знал о ней буквально все. Однако моя проницательность явно не распространялась на родственников, которых я в жизни не видел, пусть даже это был отец нашей клиентки.

— Я признаю, что если можно допустить вину человека по ассоциации с его родственниками, то по той же ассоциации можно допустить и его невиновность. Впрочем, припоминаю, как в разговоре с Льюисом Хьюиттом вы однажды заметили, что перенос на...

— Заткнись!

— Да, сэр.

— Но почему ты не вмешался? Почему не остановил меня?

— Моя задача — заставить вас взяться за работу, а не останавливать.

— Пф! Но почему, ради всего святого, я пошел у тебя на поводу?! Из-за денег? Проклятье! Уж лучше мне жить в пещере и питаться кореньями и ягодами. Деньги!

— Орехи тоже весьма неплохо. И еще кора некоторых деревьев. А вместо мяса можно попробовать летучих мышей. Хотя деньги здесь сыграли не главную роль. Она считает, вы можете делать такие вещи, на которые ни один человек на земле не способен. И когда стало очевидно, что вытащить Блаунта из тюрьмы ни один человек земле не способен, вы купились. А виноват там Блаунт или нет — это дело десятое. Вам придется доказать его невиновность, даже если он и убийца. Чудесно! Однозначно ваше лучшее дело.

— И твое тоже. Наше. И ты меня не остановил. — Вулф нажал на кнопку, два коротких и один длинный звонок: сигнал, чтобы принесли пиво.

СОДЕРЖАНИЕ

ГАМБИТ <i>Перевод О. Александровой</i>	5
ПОГОНЯ ЗА МАТЕРЬЮ <i>Перевод А. Санина</i>	187
БАНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО, ИЛИ ТРИО ДЛЯ ТУПЫХ ИНСТРУМЕНТОВ	
Убей сейчас — заплатишь потом. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	391
Банальное убийство. <i>Перевод А. Санина</i>	471
Кровь расскажет. <i>Перевод Е. Копосовой</i>	560

Стаут Р.

С 78 Гамбит. Банальное убийство : романы и повести / Рекс Стаут ; пер. с англ. О. Александровой, А. Санина, Т. Чернышевой, Е. Копосовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — 640 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-19691-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

В элитном шахматном клубе во время сеанса одновременной игры отравлен талантливый шахматист Пол Джерин, и подозрение падает на одного из участников. Однако его дочь уверена в невиновности отца и просит Вулфа найти настоящего убийцу... Люси Вэлдон, вдове успешного писателя, подкидывают младенца с запиской, в которой говорится, что отцом этого младенца является ее покойный муж. Люси нанимает знаменитого сыщика, чтобы тот нашел мать ребенка. Но стоило Вулфу начать поиски, как убивают главного свидетеля...

Кроме романов «Гамбит» и «Погоня за матерью», в книгу вошли три повести, в которых Вулф принимается за расследование, чтобы доказать невиновность чистильщика обуви, снять обвинения с Арчи, которого подставила его знакомая, а заодно в очередной раз сказать полиции, что она идет по неверному следу.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

ГАМБИТ

•
БАНАЛЬНОЕ УБИЙСТВО

Ответственный редактор Ольга Рейнгерц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Быстрова, Людмила Дубовая

Подписано в печать 19.08.2022. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 40. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-TLD-28458-01-R